

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Недостижимый Эдип в сериале «Почему женщины убивают»

Д. П. Лямин

Лямин Денис Петрович – психоаналитически ориентированный психолог (НИУ ВШЭ).

В этой статье мы проанализируем конфликты героев телесериала «Почему женщины убивают» в психоаналитическом подходе. Постараемся выделить конфликты, имеющие эдипальную причину, сделать предположения о возможных проблемах при прохождении эдипова комплекса. А также проиллюстрируем универсальность эдипова комплекса как причины конфликтов в парных и треугольных отношениях в разных временных периодах (а значит, и при разных социокультурных условиях) и у людей с разными сексуально-партнерскими ориентациями.

Ключевые слова: эдипов комплекс, Эдип, психоанализ, сериал «Почему женщины убивают».

Эдип

Имя Эдипа, убившего отца и женившегося на матери, стало именем нарицательным. Этим именем З. Фрейд назвал важнейший этап психосексуального развития, который основан на бессознательном инфантильном эротическом желании ребенка, направленном на родителя противоположного ему пола, и одновременном стремлении устранить соперника – родителя своего пола.

Эдип может иметь две формы – позитивную и негативную. В позитивном варианте любовное желание направлено на родителя противоположного пола, а агрессия (желание устранить) – на родителя своего пола. В негативной форме Эдипа желания противоположны: любовное желание направлено на родителя своего пола, а желание устранить – на родителя противоположного. Фрейд считал, что эдипов комплекс протекает в возрасте между тремя и пятью годами, затем происходит переход в

латентную стадию и затухание Эдипа. В подростковом (пубертатном) периоде происходит реактивизация эдипова комплекса, которая должна завершиться выбором сексуального объекта, противоположного или своего пола.

Эдипов комплекс является основой структурирования личности человека и базисом формирования желаний. Психоаналитики считают эдипов комплекс основной причиной психопатологии и стремятся найти причины его возникновения, во всем их многообразии, и способы его преодоления для всех видов фиксаций и неврозов. Психоаналитическая антропология считает эдипов треугольник (мать – отец – ребенок) универсальной структурой. Проявления этой структуры типичны не только для культур, в которых представлена семья в традиционном для нас понимании, основанная на брачных узах, но могут быть обнаружены и в других видах культур (Лапланш, Понталис, 2016).

Ребенок (и мальчики, и девочки) в процессе прохождения стадии инфантильной сексуальности начинает испытывать больший интерес к гениталиям и генитальной мастурбации, гениталии становятся преобладающим источником сексуального возбуждения. Фрейд назвал эту стадию развития «инфантильной генитальной организацией» или «фаллической стадией».

Сексуальность взрослого отличается от детской, появляющейся на фаллической стадии. Мальчики начинают гордиться тем, что у них есть пенис, но эта гордость одновременно и неполная, ей мешает сравнение детского пениса с пенисом отца. Фактически мальчик обижен на то, что он еще пока ребенок, а нарциссическая рана от сравнения размера пениса с отцовским порождает мысли, которые позже могут привести к невротическому чувству неполноценности, и оно больше всего проявляется после поражения от эдипального соперничества с отцом (*Freud, 1909*).

Во время прохождения фаллической стадии развития у мальчика усиливается его идентификация со своим пенисом и одновременно нарастает страх, что с этим ценным органом может что-то случиться. Это специфическое чувство называется «кастрационной тревогой». Она играет важную роль в развитии психики мальчика, но сама является следствием очень большой ценности пениса для мальчика (*Fenichel, 1934*).

Операция обрезания, другие медицинские операции в области гениталий и особенно впечатления от факта наличия большего по размерам пениса у более старших детей или у взрослых могут сформировать так называемый «женский тип комплекса кастрации». Он проявляется в виде уверенности взрослого мужчины в том, что у него слишком маленький пенис. Это тип страха может привести к появлению у мальчика идеи вести себя не как мужчина, как будто кастрация уже произошла, и тогда благодаря такому «притворству» удастся избежать риска кастрации, например, за конкурентное поведение. Из-за страха повреждения или даже потери пениса мальчик выбирает поведение с отказом от генитальных притязаний – нарциссические факторы он считает в этот период более важными, чем сексуальные желания, и само обладание пенисом как таковое является основной целью (*Freud, 1924*).

В таком раннем возрасте мальчик может понимать разницу полов только за счет обладания пенисом или его отсутствия, и разделение полов воспринимается не как мужское и женское, а только как «обладание пенисом» и «отсутствие пениса (кастрированность)» (*Freud, 1923b*). Видя существ без пениса (девочек и женщин), мальчик думает, что ранее у них был пенис, но потом они его почему-то утратили. Такой образ мыслей подтверждается аналитиками на основе клинических наблюдений, но возникает вопрос, не стали ли эти мысли следствием защитного вытеснения. Возможно, есть другая, более глубинная причина (относительно страха кастрации) бояться женских гениталий, и поэтому мальчик бессознательно отрицает их существование изначально. Такая идея добавляет дополнительную тревожность к страху кастрации: «ведь это может случиться и со мной», но создает еще дополнительный психический феномен – отрицание возможности существования пугающих своей «кастрированностью» женских гениталий (*Jones, 1933*).

В этом возрасте мальчик считает, что все остальные люди устроены так же, как он. Узнав, что есть люди, лишённые пениса, мальчик, наоборот, пугается, а не успокаивается, потому что осознает ошибочность своей идеи об одинаковости.

Девочки, так же как и мальчики, проходят фаллический период развития (*Freud, 1923b*). Девочка, как и мальчик, считает, что все остальные люди устроены так же, как она. И тогда открытие реального положения дел с обнаружением отличия, осознание неправильности первоначального предположения вызывает у нее сильную фрустрацию. Но истинная причина фрустрации, скорее всего, кроется не в самом факте анатомических отличий (*Freud, 1925*), а в понимании социальной неполноценности девочек, основанном на их уже имеющемся опыте взаимодействий (*Horney, 1932*).

Возможно, что пенис для девочки выглядит более удобным и «подходящим» для мастурбации и мочеиспускания. Но более важно уже появившееся мнение девочки, что у мальчика в семье больше привилегий, ему больше дозволено только по причине обладания пенисом (*Horney, 1924*). Поэтому девочка начинает завидовать обладанию пенисом, а клитор, которым она сама обладает, кажется ей не таким значительным, как пенис. Далее зависть может вызвать появление фантазии о том, что она наказана – ее лишили пениса. Эта фантазия похожа на страх мальчика потерять пенис, но все же имеет существенное отличие – девочка думает, что ее уже наказали и в результате пенис утрачен, а мальчик боится возможного, но еще не случившегося наказания. Дальнейшее развитие мальчиков и девочек основано на таком различии. И наша культурная традиция словно бы усиливает причины для зависти взрослеющей девочки и женщины к мужчине. Инфантильная зависть усиливается от столкновений с фрустрациями в процессе взросления.

Объектные отношения

Мать для каждого человека – первый объект для установления отношений. В начале ребенок может установить с ней только частичные отношения, например с кормящей грудью. По мере взросления ребенок воспринимает мать все более целостной, кормление ребенка представляет собой его оральные отношения с матерью. Этот первый тип отношений удовлетворяет в том числе и зарождающиеся эротические и нарциссические потребности. Конечно, мать теперь является самым важным объектом для ребенка.

Развитие объектных отношений в случае мальчиков выглядит простым, потому что мальчик в последующих стадиях развития неизменно считает мать своим единственным объектом привязанности и влечений. Первоначальный выбор объекта остается неизменным при переходе к влечениям стадии инфантильной сексуальности. В этот период любовь к матери остается доминирующей, хотя и сочетается с ненавистью к ней и с любовью к отцу. Но эти противоположные чувства сосуществуют без конфликтов в период инфантильной сексуальности.

По мере взросления и усиления Эго у мальчика начинает проявляться конфликт. Он продолжает испытывать любовь к матери и проявлять любовь к отцу, выраженную в желании мальчика стать таким же, как отец, иметь такие же права и возможности, как у отца. Мальчик начинает ощущать, что отец как будто бы имеет больше возможностей на получение внимания матери, поэтому мальчик чувствует ревность и агрессию к отцу. Такие отношения с матерью и отцом формируются приблизительно к трем годам.

Объектные отношения у девочек развиваются по более сложному пути, чем у мальчиков, им нужно отказаться от привязанности к матери, их объектом желаний должен стать объект противоположного пола – отец. Как пройдет такая смена объекта, быстро или с задержкой, зависит от переживания девочкой разочарований в матери. Девочки имеют характерную только для них и наиболее значительную причину разочарования – это зависть, возникающая у девочек при открытии существования пениса. Конечно, многие девочки в первую очередь испытывают чувство вины за то, что они как будто бы сами нанесли такие повреждения собственному телу. Но все равно девочки обвиняют мать в том, что она не дала им пенис (*Freud, 1931*). После этого девочка рассчитывает получить от отца то, что не получила от матери, а пенис в ее фантазии замещается идеей получения ребенка от отца.

Отнятие от груди, приучение к туалету и особенно рождение сиблингов – все это также возможные причины недовольства матерью у девочки. Мальчики имеют ровно такой же набор причин быть недовольными матерью, но они не отворачиваются от матери как от объекта любви.

При нормальном развитии девочка и впоследствии женщина имеет амбивалентное отношение к матери, это встречается даже чаще, чем аналогичное отношение у мальчиков к отцу. Более того, для девочек характерно постоянное наличие архаичной доэдиповой привязанности

(даже фиксации) к матери. Поэтому во взрослой жизни женщина зачастую выбирает объекты любви, бессознательно находя в них сходство с чертами характера матери, а не отца (*Freud, 1931*).

Фрейд выделил главное отличие развития объектах отношений у мальчиков и девочек: мужской Эдип разрешается за счет кастрационной тревоги – мальчик отказывается от влечения к матери и идентифицируется с отцом; женский Эдип начинает развитие вследствие появления комплекса кастрации – девочка переключается на отца из-за разочарования от отсутствия пениса (*Freud, 1924*).

Эдипов комплекс

Эдипов комплекс считается пиком инфантильной сексуальности у мужчин и у женщин. Различные травматичные ситуации могут быть непреодолимым препятствием для прохождения Эдипа. Непройдённый Эдип является одной из важнейших тем исследования для психоанализа. На первом месте стоят генитальные факторы. Ситуация соблазнения (чаще психическая, чем реальная), например, вызывает интенсивное внешнее возбуждение, которое ребенок не способен контролировать, и может способствовать слишком раннему переходу к генитальной сексуальности. А невозможность контроля возбуждения ребенком создает слишком высокий уровень этого возбуждения, вплоть до травматического, и в результате формируется психическая связь генитальности с угрозой. Эта фиксация ведет к тому, что любая ситуация, вызывающая страхи, способствует и вытеснению сексуальности (страх = любое генитальное возбуждение и влечение) и далее мешает протеканию эдипова комплекса. Такое воздействие имеют все события, которые ребенок воспринимает как угрозу: любые повреждения тела, смерть близких, неожиданно увиденные гениталии взрослых.

Формирование эдипова комплекса протекает под влиянием представлений и фантазий ребенка о сексуальных отношениях родителей. Эти представления могут быть основаны и на реальных наблюдениях, но чаще только на фантазиях или на неправильном понимании случайно увиденного. Если ребенок действительно наблюдал сексуальные сцены (это называется «первичными сценами»), то в его восприятии они выглядят агрессивными или садистическими, поэтому у него возникает фантазия об опасности сексуальности. Она подкрепляется тем, что наблюдение сексуального акта вызывает у ребенка сильное возбуждение, которое чрезмерно для психики ребенка и поэтому травмирует ее.

Ребенок может и не иметь опыта реального наблюдения за сексуальными отношениями родителей, но он использует любые намеки, чтобы домыслить детали и фантазировать об этом. Такая фантазия о сексуальном акте родителей называется «первичной фантазией» (*Freud, 1916–1917*). Повседневное поведение родителей тоже влияет на протекание Эдипа – говоря буквально, невротичные родители могут вырастить невротичных детей, а на то, как протекает Эдип у ребенка, влияет пройденный или непройденный Эдип у родителей. В каких-то условиях родители могут

недополучать сексуальной разрядки, остающееся сексуальное напряжение бессознательно смещается на детей, которые могут воспринимать это только как сексуальное соблазнение, которое усиливает эдипов комплекс.

Для девочек эдипов комплекс остается как будто незавершенным. Женщины могут всю жизнь сохранять привязанность к отцу, а их объекты любви имеют сходство с бессознательным образом отца. Вместо страха кастрации женщины формируют страх потери любви, который значительно сильнее, чем у мужчин (Фенихель, 2015).

Суперэго

Страх потери любви родителей и страх наказания отличаются от других типов тревог, в этом случае не требуется однозначное прекращение наказуемой активности, а ребенок может продолжать опасную активность тайно или вообще притвориться. Но наступает момент в развитии психики ребенка, когда ранее высказанные те или иные запреты родителей принимаются ребенком во внимание даже в отсутствие родителей. В психике ребенка появляется некий внутренний наблюдатель, который теперь вместо родителей предупреждает о том, что определенное поведение может привести к утрате материнской любви. Такой наблюдатель берет на себя важную функцию Эго – предвосхищение реакций внешней реальности на действия ребенка. Таким образом, часть Эго интроецирует родительский объект.

Вначале ребенок, конечно, хочет вести себя так, как ведут родители, делать то, что делают родители, и таким образом идентифицироваться с ними, а принимать запреты родителей он не хочет. Но постепенно, по мере идентификации с родителями, ребенок начинает соглашаться и принимать их и представления о том, что правильно, а что нет, и уже позднее правила и запреты ребенок принимает и ощущает как собственные. Желание ребенка быть как можно более похожим на родителей облегчает ему и принятие их правил и запретов. Принятые ребенком правила и запреты родителей являются предтечами Суперэго, но они еще не очень сильны, ребенок может их нарушать и обходить, например, когда родителей нет рядом или еще по каким-либо удобным поводам. В этот период первоначальные функции Суперэго ребенок может спроецировать на объекты во внешнем мире.

Объектные отношения эдипова комплекса замещаются идентификациями (*Freud, 1923a*), что способствует развитию Эго и усложняет его. Та часть Эго ребенка, которая теперь содержит интроецированные образы родителей (их правила и запреты), пока не может объединиться с остальным Эго, потому что собственное восприятие своего Эго ребенком сильно отличается от «добавленных» к Эго родительских объектов. Далее Эго ребенка как бы занимает у родительских объектов силу и с ее помощью подавляет эдипов комплекс. Такое подавление Эдипа позволяет Эго сделать самый важный шаг для развития, и возникшая структура уже включает в себя Суперэго.

Сформировавшееся Суперэго замещает тревогу чувством вины, а причиной страха может быть фантазия о возможности утратить любовь. Взаимодействие Эго с Суперэго выглядит так же, как ранее ребенок взаимодействовал с родителем, который любил, наказывал и прощал. Также появляется желание избежать наказания. При этом возникает и специфическое желание наказания, оно является формой избегания наказания: акт наказания, кратковременное страдание от него воспринимается допустимым и даже желанным, потому что после краткого страдания прекратится намного превосходящее по длительности страдание из-за чувства вины. Потребность в наказании – это выбор меньшего из двух зол, принесение малой жертвы вместо кастрации.

Выбирая, какие влечения допустимы, а какие нет, Суперэго руководствуется не только реальностью, но и «ощущениями» иррационального «внутреннего представителя» реальности. Теперь ребенку становятся важны хорошие и плохие отношения не только с родителями, но и с Суперэго. Ранее ребенок получал чувство удовольствия и безопасности от любви родителей, сейчас он может получить эти чувства еще от выполнения требований Суперэго. Если же сопротивляться Суперэго, то возникают такая же вина и укоры совести, как у ребенка, которому кажется, что его больше не любят. Строгость Суперэго в целом воспринимается так же, как строгость родителей. Но Суперэго связано с Оно, и поэтому его строгость зависит еще и от инстинктивной активности ребенка. Бессознательная ненависть к родителям может проявиться через страх наказания от Суперэго и даже через получение этого наказания. Чем больше было у ребенка агрессии к родителям, тем более строгим будет Суперэго.

То, как протекал эдипов период, непосредственно влияет на особенности психического функционирования личности, и он отличается у мужчин и женщин. Мальчики отказываются от влечений Эдипа, опасаясь кастрации, а у девочек отказ от влечений происходит из страха потерять любовь, из-за разочарования и стыда. Эти факторы оказывают на девочек меньшее воздействие, чем страх кастрации на мальчиков, поэтому девочки преодолевают Эдип постепенно и неокончательно.

Если доступные функции Суперэго ограничены только лишь вытеснением эдиповых влечений, то в дальнейшем в психике индивида часто проявляется чувство несостоятельности из-за неудач инфантильной сексуальности, формируется нарциссическая травма, которая будет основой невротического чувства неполноценности.

У женщин западной культуры можно отметить особенности в наборе идеалов, запретов и принятых моральных норм: запрет на проявление агрессии, ограничение сексуальных проявлений и вообще ограничения на все формы влечений. Ожидается, что девочка станет доброй, застенчивой, неагрессивной, чистоплотной. Часто встречается общественная установка, что девочка потом будет заботиться о своей матери, то есть станет матерью для нее.

Очевидно, что ценностные идеалы у мужчин и женщин различаются, и, следовательно, различие в идеалах неизбежно приведет к различиям

в функционировании Суперэго (*Bernstein, 1983*). Необходимо уточнить, что различие здесь не в силе или слабости Суперэго, а в том, как оно проявлено – «жестко» или «адаптивно». Иногда более предпочтительна гибкая, адаптивная структура Суперэго, которая способна адекватно приспособиться к реальной ситуации. Есть существенная разница в том, как решить моральную дилемму: мужчины будут придерживаться абстрактных законов и правил, а женщины будут руководствоваться пониманием, что будет лучше для сохранения отношений (*Gilligan, 1982*).

Если развитие Эдипа происходит на основе постоянной и сильной ненависти к матери, то Суперэго будет очень враждебным, критичным и карающим. Девочка может справляться с этими чувствами при помощи реактивных образований, но это не облегчает развитие Эдипа. В таком варианте развития девочка может остаться зависимой от матери на всю жизнь.

Половое созревание

Спокойствие и равновесие латентного периода сменяется увеличением сексуальных желаний, вызванных началом периода полового созревания. В этот период большая часть психической активности направлена на восстановление нарушенного равновесия. Страх перед возрастающей сексуальностью требует защитного поведения, которое проявляется в аскетизме. Одновременно с этим для подростка свойственно противоречивое поведение во всех сферах: общительность и замкнутость, послушание и полное неповиновение, стремительные влюбленности и не менее быстрые разочарования, грубость и нежность и т. д.

Для избегания кажущихся опасными сексуальных объектных отношений используются дружеские отношения, которые, в свою очередь, под давлением влечений начинают приобретать сексуальную окраску. Вследствие этого у подростков возможны эпизодические попытки гомосексуальных отношений, они пока не рассматриваются как патология. Фиксация на гомосексуальном типе сексуального влечения возможна в случае сохранения значительной робости по отношению к объектам противоположного пола или в случае, когда в объектных отношениях начинает преобладать нарциссизм.

Помимо упомянутого аскетизма возможен другой способ совладать с влечениями – усиление заинтересованности подростков в интеллектуальной, научной деятельности.

Достижение зрелости предполагает определенность, принятие своих влечений. Некоторые индивиды боятся такого окончательного принятия и поэтому хотят продлить пубертатный период, не становиться взрослыми. В условиях современного общества такое поведение вполне возможно. Многие невротики не смогли принять свои сексуальные влечения и демонтируют поведение, свойственное более раннему периоду, когда реальность воспринимается как нечто предшествующее полноценной жизни в неопределенном будущем (*Фенихель, 2015*).

Сексуально-партнерская ориентация – девочки

Фрейд считал, что у девочки, в отличие от мальчика, эдиповы желания должны подавляться постепенно, иначе они могут быть вытеснены в бессознательное и послужить в дальнейшем причиной формирования невротизма. Для перехода к позитивной эдипальной позиции девочке необходимо разрешить ряд конфликтов, в процессе этого перехода может сохраняться полученная ранее триадическая гетеросексуальная конфигурация. В подростковом возрасте у девочек возрастает беспокойство по поводу происходящих изменений тела, и, по мнению Плаута и Хатчинсона (*Plaut and Hutchinson, 1986*), этот период важнее для психосексуального развития женщин, чем Эдип. В подростковом возрасте под влиянием физиологических изменений сексуальные импульсы усиливаются, и девочка вынуждена будет искать способы уйти от привязанности к отцу, что приведет ее к использованию реактивных образований. В конечном итоге девочка начнет искать объекты сексуального влечения за пределами семьи.

В подростковом периоде завершается формирование полоролевой идентичности, значительно возрастает роль сексуальности в поведении. Девушка начинает искать новые способы взаимодействия с людьми и особенно с теми, о ком она фантазирует как о возможном любовнике. Также девочка может сменить модель поведения, вместо заботливой и стеснительной девочки появляется уверенная в себе и флиртующая девочка. В некоторых случаях уверенность может перейти в надменность и садистическое поведение по отношению к сверстникам и даже к отцу. Но в начале пубертата поведение девочки с мальчиками и с отцом больше похоже на карикатуру на поведение взрослой женщины и показывает скрывающуюся за этим тревогу.

В Эдипе зарождаются все конфликты, вызванные выбором объекта, но в этот период противоречивые желания существуют одновременно, не вызывая страданий. В пубертате все тревоги и конфликты вокруг выбора объекта любви становятся основной движущей силой. Их питает связывание чувства идентичности девочки и ее сексуальных предпочтений. Поэтому сексуально-партнерская ориентация – это главная проблема и задача подросткового периода.

Гетеросексуальные фантазии и активность в бессознательном девочки могут связаться с эдипальными желаниями, что вызовет появление сильного чувства вины. Вина может заставить девочку начать избегать гетеросексуальных отношений. Если возникает преждевременная гетеросексуальная активность, то это защита от страха поглощения всемогущей доэдиповой матерью. В качестве еще одной защиты может быть выбрана модель отношений «лучших подруг», которая дает сместить регрессивное желание. В начале эти отношения могут помогать фантазированию о гетеросексуальных отношениях, но такая диадическая близость может в итоге стать причиной гомосексуальных фантазий и экспериментов. И в таком варианте развития отношений они могут стать настолько удовлетворяющими, что выбор объекта противоположного

пола может сильно задержаться или девочка вообще откажется от него (Blos, 1979).

Сексуально-партнерская ориентация имеет свой собственный долгий путь развития. Конфликты выбора объекта начинаются в эдиповой стадии, реактивируются в подростковом возрасте, и окончательная ориентация зависит от разрешения этих конфликтов в пубертате. Но и в дальнейшем возможно продолжение реактиваций и попыток разрешения конфликтов выбора объекта, и некоторые личности могут изменить сексуально-партнерскую ориентацию в позднем возрасте.

Сексуально-партнерская ориентация – мальчики

Главным препятствием в выборе сексуально-партнерской ориентации для мальчика является возможное возникновение негативной эдиповой позиции, то есть направленные на отца любовные желания. Это может произойти в процессе идеализации отца и идентификации с ним, тогда они вступают в противоречие с влечением к матери. Обычно мальчик недолго находится в позиции, где он хочет занять женскую роль, отказ от такой позиции определяется страхом потерять пенис, что станет поражением в достижении фаллического нарциссизма, важного для Эго-идеала мальчика. Также для мальчика важно сохранить восхищение и любовь отца, но отношения с отцом формируются на идеализации его мужественности и идентификации с ней, поэтому сохранение женской идентификации становится невозможным (Тайсон Ф., Тайсон Р. Л., 2013).

Физиологические изменения в начале подросткового возраста вновь реактивируют конфликты предыдущих стадий развития: пассивные доэдиповы идентификации противостоят активности мужских идентификаций, эдипальные влечения возрождают страх кастрации и нарушают установки Суперэго из латентного периода. Снова становится активным конфликт выбора сексуального объекта. К нему присоединяются остальные конфликты, усиливая уровень тревоги и напряжения, Суперэго не может удерживать границы нормы и патологии четкими и неразмытыми. Например, снова активные негативные эдиповы идентификации усиливают стремление к дружеским отношениям с другими мальчиками и одновременно вызывают страх гомосексуальности.

Случайный гомосексуальный контакт может вызвать тревогу по поводу своей идентичности, страх привязанности к другим мальчиками и в итоге вызвать регрессию к доэдиповым влечениям. Регрессия такого типа еще больше осложняет конфликт сексуальной идентификации, так как реактивация конфликтов анальной фазы может вызвать страх кастрации, но уже в виде страха перед фаллическим образом матери. Далее этот страх может трансформироваться в страх перед женщинами вообще, которые идентифицируются с репрезентацией фаллической матери. Этот страх может привести мальчика-подростка к отказу от контакта с женщинами и усилить влечение к мужчинам и восхищение ими. Тем более что девочки-подростки в этом возрасте могут вести себя грубо, «преследующе», что только усиливает страх перед ними.

Случайное появление гомосексуальных отношений травмирует подростка, в результате он может попасть во «вторичную подростковую фиксацию» (Blos, 1979), то есть подросток останется в «невыбранной», но фиксированной гомосексуальной позиции. Вообще задача принятия гомосексуальной части подростковой сексуальности – это одна из важнейших задач развития, которую приходится разрешать подросткам. Окончательный выбор сексуально-партнерской ориентации зависит в том числе от того, как была преодолена эта задача.

Когда мальчик-подросток становится взрослым, как правило, он уже достиг понимания своей половой идентичности. В благоприятном случае он интегрировал мужские и женские качества, приобрел стабильные сексуальные предпочтения и представления о желаемом объекте любви.

На выбор сексуального объекта могут оказывать влияние множество факторов, некоторые из которых пока остаются непонятными, но, как правило, выбор ориентации – гетеросексуальной, гомосексуальной или бисексуальной – зависит от разрешения конфликтов на подростковой фазе развития. Разрешить эти конфликты полностью не удастся, и во взрослом возрасте они могут снова стать активными (Тайсон Ф., Тайсон Р. Л., 2013).

Специфические характеристики женского эдипова комплекса

В психоаналитической литературе много обсуждается страх мужчины перед вагиной, но почти не уделяется внимания тому, как женское Суперэго взаимодействует с агрессивным отношением женщин к мужскому пенису. Тем не менее женское чувство вины не вызвано агрессивностью к пенису, хотя в сексе женщина в буквальном смысле поглощает, инкорпорирует пенис, хоть и на небольшое время. Несмотря на временность этого «поглощения», женщина имеет фантазию о постоянном овладении пенисом, более того, фантазию инкорпорировать именно пенис отца, садистически-анальным путем.

В этом желании девочка находит способ защититься от всемогущей фаллической матери и найти новый идеальный объект в отце. Желание девочки получить пенис отца заключается не в получении пениса как такового, вместо этого она имеет инфантильную фантазию о том, что она сделает ребенка из пениса отца. У девочки возникает чувство вины за инкорпорацию отцовского пениса, запрет эротического представления вагины, смещение эротического влечения на клитор. Можно сказать, что происходит вытеснение, отрицание сексуальности, вместе с вытеснением анально-садистического компонента сексуальности по сути происходит отказ от чувственного аспекта сексуальности. Последствиями этого во взрослой жизни могут быть различные расстройства сексуальной жизни и даже фригидность. Анализ чувства вины за инкорпорацию пениса у женщин пациенток приводит к возврату эротического инвестирования вагины, разрешению анально-садистической (поглощающей), агрессивной сексуальности вагины (Chasseguet-Smirgel, 1964).

Любые профессиональные или творческие достижения женщины бессознательно воспринимаются ею как фаллические завоевания. Кроме возможных проблем в сексуальных отношениях описанное выше специфическое чувство вины девочки перед отцом вызывает затруднения в различной деятельности, которые определяют социально принятое положение женщины. Для обоих полов высокие интеллектуальные достижения в бессознательном равносильны обладанию пенисом. Для девочки обладание пенисом означает лишение матери возможности его иметь и одновременно кастрацию отца. То есть чувство вины за превосходство над матерью удваивается чувством вины перед отцом, следовательно, какие-либо достижения в интеллектуальной или творческой сфере становятся невозможными или сильно ограниченными. Чтобы у творческого процесса была цель, достижение какого-то идеала, для создания этого идеала необходимо спроецировать нарциссизм на идеальную фигуру. Идеальной фигурой для девочки может быть только отец, значит, женщины, которые не смогли идеализировать образ отца в процессе развития, не могут получить стимул к творчеству. Еще раз повторим, что фаллос символизирует нарциссическую полноту, фактически совершенство. В нашем бессознательном все, что хорошо функционирует, является образом пениса, поэтому и творческий процесс имеет фаллическое значение.

Девочка хочет вырваться от могущественной матери, для этого она обращается к отцу, чтобы получить себе пенис, после чего у нее возникает страх потери пениса – страх кастрации со стороны матери. Получается, что именно желание отделиться от матери становится причиной зависти к пенису у девочек. Через зависть к пенису у женщины символически выражено другое желание – отделиться от матери и самой стать взрослой женщиной (*Chasseguet-Smirgel, 1964*).

Чувство, что тебя любят, укрепляет самооценку, потеря любви самооценку ослабляет (*Freud, 1914*). Быть любимой, а значит, и получать нарциссическое подкрепление – бессознательный выбор для многих женщин. При этом происходит отказ от возможности развития чувства вины в объектных отношениях, и как следствие возникает неспособность сделать символический переход от зависти к пенису к желанию иметь ребенка.

Здесь же можно отметить часто встречающуюся у женщин идентификацию с пенисом отца. Возможна идентификация с фаллосом, который является парциальным объектом. Такая идентификация выражается в сверхинвестировании Я либидинозной энергией, извлекаемой из внешних объектов. Но идентификация с фаллосом еще и означает невозможность проникновения, то есть невозможность эротических объектных отношений. Желание «быть желанной» является единственной целью, формируется холодное и нарциссическое отношение к мужчинам.

Другой вариант – идентификация с пенисом отца, то есть с полностью зависимой частью объекта. В этом случае женщина психически является дополнением объекта, полностью от него зависимой. В реальности такой тип идентификации означает, что женщина выступает в роли помощницы,

правой руки, вдохновительницы, опоры, посвящает мужчине свою жизнь, действует и живет ради него, а не вместе или для себя.

Согласно христианскому мифу, женщина сотворена (рождена) из ребра (тела) мужчины. В метафорическом смысле мужчина здесь побеждает свою мать и побеждает женщину в целом, она становится его ребенком. Этот миф дает оправдание и для женщины – в ее выборе подчинения и согласия принадлежать мужчине, быть созданной для него, а не просто быть или быть для себя. Таким образом, у некоторых женщин есть выбор лишь между двумя позициями зависимости (*Chasseguet-Smirgel*, 1964).

Боятся ли мужчины женщин, и если боятся, то почему?

Различие полов очевидно, это в первую очередь различная анатомия. Следующее явление, которое тоже повсеместно и присутствует во все времена, – это доминирование мужчин над женщинами. Этот факт и явление превозносятся или отрицаются, но почти нигде не задаются вопросом «почему есть это доминирование?».

Можно предположить, что желание мужчин доминировать над женщинами – это защитная реакция на страх. Чтобы защититься от опасностей, исходящих от женщин, мужчины защищаются доминированием любыми средствами, от социальных до магических, оно существует только для того. Это не страх некоторых мужчин перед некоторыми женщинами, это фундаментальное явление. Что может означать этот страх: мужчины боятся чего-то у женщин или самого факта существования женщин? Правда в том, что оценка значимости мужского пола завышается, а женский пол обесценивается, но и одновременно им восхищаются, женщин обожают и восхваляют (*Cournut*, 1998).

Необходимо рассмотреть несколько психоаналитических идей о том, почему же мужчины имеют так называемый базовый страх перед женщинами. В данном случае психоаналитический подход хорош тем, что формулирует вопросы в терминах «почему», интересуется больше желаниями, чем функциями.

Первое – это понятие «репрезентируемости»: то, что психика человека не может включить в нагруженные аффектом репрезентации, а далее симболизовать и вытеснить, вызывает тревогу и страх.

Второе – это идентификации, которые дают понимание двойственности и различия. Для нарциссизма плохо переносятся так называемые «маленькие различия». А женщины в восприятии оказываются одинаковыми и неодинаковыми из-за «маленького различия». Если задача репрезентировать это отличие настолько трудна для мужчины, что он начинает испытывать по отношению к себе агрессию, то он идентифицируется с агрессором и даже нападает на него (*Cournut*, 1998).

Женское эротическое наслаждение, которое может выглядеть как поглощающая буря влечений, непонятно и поэтому пугающе для мужчин. Сама идея пассивности и даже мазохизма кажется неприемлемой, и, может быть, поэтому мужчины говорят о пассивности и кастрации, чтобы избежать соприкосновения с чем-то, что вызывает тревогу или

страх – страх обнаружить в себе желание женского. Но еще это женское наслаждение непонятно и невыразимо в описании, сами женщины ничего об этом не рассказывают, как будто хотят сохранить в тайне от мужчин. Возможно, они ничего не говорят, потому что оно слишком интенсивное для того, чтобы репрезентация этого чувства могла «зафиксироваться» в психике и затем возвращена для осознания.

Следующее, что непонятно и поэтому вызывает тревогу, – это материнство. Анатомические подробности беременности, созревания плода и рождения ребенка вроде бы понятны и подробно изучены, но дальше начинается то самое «материнское безумие», которое означает для мужчины непонятное психическое слияние матери и ребенка, общение на недоступном уровне.

«Нерепрезентируемое» женское материнское можно хоть в чем-то увидеть, оно в итоге создает детей. Но нерепрезентируемое женское эротическое для наблюдателя-мужчины выглядит как фантазм о бесконечном оргазме, как будто женщины купаются в океане безграничного наслаждения, а мужчины растерянно ждут на берегу. Это наслаждение другого отличается от собственного как будто и немного, принимая во внимание интенсивность собственных ощущений мужчин, но одновременно невообразимо далеко, словно женщины смогли пронести какое-то тайное знание из глубины веков. И это буйство наслаждения на первый взгляд ничего не производит, а значит, поскольку оно непонятно и «бесполезно», его нужно хотя бы ограничить, выставить препятствия, потому что запретить невозможно.

Мужчины «изобретают» идентификации и фетиши, чтобы успокоить страх кастрации. Создают различные по степени фантастичности истории, чтобы объяснить себе тайны женского материнского и женского эротического. При этом социальное поведение и традиции организованы таким образом, чтобы, уважая материнство, ограничивать при этом проявления женского как у женщин, так и у мужчин.

Изначально фантазм о кастрации должен был объяснять женское, но сделать это у него не получается, ни для женского материнского, ни для женского эротического наслаждения. Напрашивается предположение, что, даже будучи кастрированным, пассивным и мазохистическим, женское не является ни катастрофическим, ни даже предосудительным. А может быть, даже желанным? Что, если страх мужчин перед женщинами, этот ужас перед «нерепрезентируемым», для защиты от которого мужчины доминируют над женщинами, на самом деле нужен для отрицания тайной зависти ко всему женскому? Не бояться женского и не отказываться от него означало бы признать и суметь испытать то, что дает и позволяет почувствовать пассивность (*Cournut*, 1998).

Исследование героев сериала «Почему женщины убивают»

На примере историй конфликтов героев сериала мы проверим универсальность концепции эдипова комплекса как причины различных психопатологий в их проявлениях в повседневной жизни.

В сериале показаны отношения взрослых людей, в которых они разыгрывают свои собственные эдипальные конфликты, обусловленные тем, как данный индивид достиг и преодолел эдипов комплекс или же не преодолел и произошла фиксация на одной из более ранних стадий психосексуального развития. Индивиды в парах, каждый со своими особенностями психической организации, уровнями проработанности эдипова комплекса, перекрестно влияют на вторую сторону конфликта, и каждый из них раз за разом пытается в реальных отношениях разрешить эдипов конфликт (можно назвать это третьей фазой – прохождением в реальных отношениях), а в случае неудач попадает в регрессию к предыдущим стадиям развития. Поскольку в сериале очень мало информации о подростковом возрасте и детстве героев, то только на основе показанных регрессий психического функционирования можно предположить, как у героев сериала происходила вторая фаза эдипова конфликта (его реактивация после латентного периода, попытки активного преодоления, выбор сексуально-партнерской ориентации), и попытаться заглянуть в их детский возраст, предположить, как могла проходить первая фаза эдипова конфликта (формирование эдиповой ситуации, протекание и преодоление или затухание с переходом в латентную стадию).

В сериале показана жизнь трех семей (см. *фото 1*) в одном и том же большом доме в г. Пасадена (Калифорния) в разные периоды времени.

Дом здесь тоже является очень важным элементом сюжета, сценой, на которой разворачиваются наиболее важные события, и он как бы связывает совершенно независимые истории семейных пар вместе, образуя преемственность в жизни разных поколений, при этом не имеющих родственных связей (см. *фото 2*).

Фото 1

Фото 2

1963 год, Роб и Бет-Энн Стентон

Первая пара живет в доме в 1963 году. Это Роб (Роберт) и Бет-Энн Стентон, у них была дочь Эмили, но она трагически погибла еще до переезда в дом. Роб – один из топ-менеджеров небольшой частной аэрокосмической компании, Бет-Энн – домохозяйка. Для создания треугольной ситуации в отношениях в сюжете присутствует Эйприл – любовница Роба, она значительно моложе Роба и Бет-Энн, можно предположить, что она принадлежит к следующему поколению, в сравнении с этой парой (см. *фото 3*).

В начале серии Роб Стентон говорит: с Бет-Энн мы встречались в старшей школе. Она делала мне бутерброды и пришивала пуговицы на рубашки. Нет ничего сексуальнее девушки, которая любит о вас заботиться. Бет-Энн была девственницей в брачную ночь. Она хотела быть домохозяйкой. Мы были так счастливы. Первые несколько лет. А потом все полетело к чертям.

В целом такие отношения соответствуют социальной модели этого периода: жена – домохозяйка, первый и единственный сексуальный опыт с мужем. Но даже полное соответствие социальным шаблонам поведения не отменяет наличия лежащих в основе этого соответствия фиксаций. Бет-Энн в описании Роба очень заботливая, но не красивая и соблазнительная, сексуальность здесь приравнена к заботливости. Роб не видит в ней женщину как объект сексуального желания, он видит в ней заботливую и ухаживающую женщину, по сути – образ матери. Конечно, сексуальность здесь тоже присутствует, но она как будто второстепенна, какие-то личные качества Бет-Энн тоже отсутствуют и неинтересны ему, кроме одной-единственной роли – домохозяйки.

Бет-Энн случайно подслушивает в супермаркете разговор своей соседки Шейлы с другой женщиной, из которого следует, что Роба видели в кафе обнимающим и целующим молодую официантку. Чуть позже Шейла пытается обсудить предполагаемую измену Роба. Бет-Энн полностью

Фото 3

отрицает даже вероятность того, что Роб может ей изменять, она отмечает все аргументы Шейлы – «этого не может быть просто потому, что этого не может быть». На какой-то небольшой период времени Бет-Энн регрессирует до состояния ребенка доэдипального возраста, она полностью отрицает реальность, отрицает возможность развития событий другим образом, кроме единственно допустимой для нее модели, в которой она жена Роба, а он ее муж. В этот момент становится возможным предположить, что отношение Бет-Энн к Робу носит не любовный и партнерский, а симбиотический характер и даже намек на возможность прерывания таких отношений крайне травматичен для нее, вызывает сильнейший регресс (см. *фото 4*).

Несмотря на отрицание наличия любовницы у Роба, Бет-Энн едет в то самое кафе, где Роба видели с официанткой, чтобы лично увидеть ее. Она выясняет, что эту официантку зовут Эйприл, у них завязывается разговор, и вместо предполагаемого скандала Бет-Энн принимает предложение Эйприл дружить со словами: «Ты такая милая девочка» (см. *фото 5*). В этом эпизоде отношение Бет-Энн к Эйприл выглядит так, как будто это ее повзрослевшая дочь, возможно, это следствие того, что Бет-Энн так и не отгоревала смерть дочери и ее либидо переключилось на неожиданно появившийся подходящий объект, но на самом деле на проекцию образа дочери.

Фото 4

На основе вступительного монолога в начале и ключевых событий этой серии можно сделать обобщающее предположение о том, что ни Роб, ни Бет-Энн не смогли преодолеть эдипов комплекс в части перехода к триадическим объектным отношениям, они остались в стадии диадической модели отношений. В начале совместной жизни все было хорошо, но

Фото 5

через два года начались проблемы, это может означать, что после рождения у них дочери они оба не смогли сохранить отношения в получившейся триаде. Бет-Энн не смогла выйти из состояния слияния с ребенком и как будто оттолкнула Роба за пределы их новой диады с дочерью. Роб, видевший в Бет-Энн образ своей заботящейся матери еще до рождения ребенка, после рождения дочери больше не может воспринимать Бет-Энн как объект сексуального влечения; у него мог появиться бессознательный страх кастрации за инцест, и поэтому Бет-Энн становится просто матерью, а сексуальные отношения Роб теперь может иметь только с другими женщинами, совместить в одной женщине материнский объект и объект влечения для него невозможно.

В другом эпизоде Бет-Энн пытается оживить их с Робом сексуальные отношения, следуя советам соседки Шейлы, которая, несмотря на социальную роль матери большого семейства, оказывается очень сведущей в вопросах секса. И на примере Шейлы можно понять, что дело здесь не в социальных установках, а в отсутствии у Бет-Энн взрослой сексуальности как таковой. Она остается ребенком, который как будто соблазнен взрослым (ее мужем) и поэтому вынужден подчиниться чужой воле, иметь свои сексуальные желания «ребенку» запрещено. Из другого эпизода мы узнаем, что Бет-Энн после замужества оставила и профессиональное увлечение игрой на пианино (см. *фото 6*), то есть для Бет-Энн

Фото 6

возможно иметь только желания, соответствующие установкам родителей, а в данном случае – родительской фигуры в лице Роба. Хотеть и делать можно только то, что одобряется родителями, то, за что можно получить их любовь. Понимание своих желаний у нее, скорее всего, не сформировалось, ее Суперэго было сформировано как наказывающее и ограничивающее, поддержки она не получала.

После званого ужина у начальника Роба он произносит монолог: моя жизнь как салфетка в форме лебедя – такая же жесткая и в узлах, все смотрят и восхищаются, но никто не знает, как же я вымотался. В жизни совсем нет радости, мне бы хоть посмеяться пару раз. Роб тоже лишен собственных желаний, он усвоил правила и требования родителей, его Суперэго несет в себе соответствие социальным стандартам: много работать, карабкаться по карьерной лестнице, много зарабатывать, а иметь желания и хотеть удовольствия – запрещено. Возможно, под давлением слишком рано сформированного Суперэго у него происходит расщепление женских объектов – на материнский объект и на объекты сексуально-го желания.

Во время вечеринки в доме Стентонов одна из соседских семейных пар ссорится, муж в ней параноидально ревнив, и Бет-Энн ожидала, что Роб вступится за женщину из этой пары, но он не вовлекается в ссору. После вечеринки Бет-Энн устраивает Робу скандал, упрекает его в том, что он трус и не смог защитить соседку Мэри от ее мужа. Роб, пытаясь успокоить ее, спрашивает, почему же Мэри не уходит от мужа, если ей так плохо, как утверждает Бет-Энн. В ответ на это Бет-Энн с отчаянием кричит, что ей тогда негде будет жить! В ссору посторонней пары Бет-Энн разместила свой страх потери Роба как объекта, заботящегося о ней и целиком ее содержащего, разместила свою беспомощность и тревогу. Это ее сама она требовала защищать и впала в такую ярость потому, что в ее бессознательном Роб отказался защитить от проблем ее саму. Внутренний конфликт Бет-Энн нарастает, она охвачена страхом из-за разрыва отношений, который в ее психике становится все более возможным или даже неизбежным.

Далее по сюжету Бет-Энн отговаривает от аборта Эйприл, предлагает свою помощь в уходе за ребенком (см. *фото 7*). А потом в разговоре с Шейлой она рассказывает свою идею: она уговорит Эйприл отдать ей ребенка, и они с Робом усыновят его, у них снова будет ребенок, а Эйприл сможет без помех заниматься карьерой певицы. Здесь очень отчетливо показаны травма потери дочери и непроделанная работа горя, поддержание в психике образа уже мертвой дочери. Можно даже сказать, что Бет-Энн поддерживала галлюцинацию о том, что Эйприл – ее дочь, это было «инвестирование прекрасного трупа», отнимавшее огромное количество психической энергии. Страхи и тревоги текущей ситуации, которые добавились к и так перегруженной психике, по всей видимости, вызвали психотический срыв у Бет-Энн, она перешла к буквальным действиям вместо хоть и болезненного, но фантазирования. Она хочет в реальности заменить (а по сути оживить) своего мертвого ребенка чужим ребенком, забрать только что родившегося ребенка у его матери.

Фото 7

В ряде последующих эпизодов мы узнаем, что дочь Стентонов погибла (см. *фото 8*) из-за трагической случайности, вызванной тем, что Роб приводил одну из своих любовниц в свой дом, но он внушил Бет-Энн, что это именно она не закрыла калитку и поэтому их дочь беспрепятственно убежала на дорогу и попала под машину.

Бет-Энн в итоге узнает правду о ситуации и, по всей видимости, испытывает аффект такой интенсивности, что попадает в психотический срыв: она покупает пистолет и придумывает план, как физически устранить Роба руками патологически ревнивого мужа соседки Мэри, после чего его тоже приговорят к смертной казни и таким образом и Мэри тоже станет «свободной». Она все же пытается получить у Роба признание именно его вины в смерти дочери, чтобы как будто отменить придуманный план, но он все отрицает. Бет-Энн хочет таким странным образом получить повод не доводить ее план до убийства Роба, но в то же самое время она не хочет этого, она избегает задать прямой вопрос, не хочет рассказать, что знает, как все было на самом деле. Она как будто создает себе оправдание, ищет дополнительное подтверждение виновности Роба: это он должен сам все рассказать, он должен взять на себя всю ответственность. Только Роб в этой ситуации может быть «плохим», Бет-Энн не видит себя участницей. Когда невозможно говорить и обсуждать, остается только действовать, например убить «плохого» Роба. Он больше не опорный и заботящийся объект, он превращен во вторгающийся и разрушающий объект.

Роб в этой ситуации – маленький ребенок, боящийся наказания и поэтому все отрицающий. Он пришел к Бет-Энн как к матери, он не может

Фото 8

вести себя по-взрослому и брать ответственность за поступки. Из-за незрелости обоих в паре возникла ситуация с любовницами, которая послужила причиной гибели дочери. Роб не мог быть участником треугольных отношений мать – ребенок – отец, и поэтому у него появились любовницы. Бет-Энн тоже была неспособна выдержать треугольность и

Фото 9

Фото 10

поэтому после рождения дочери оттолкнула Роба как любовника, отправила его на поиски замещающих объектов. Принять смерть, отгоревать ее и попытаться восстановить отношения они тоже не могли, даже разговор об этом был невозможен.

Далее этот план реализуется, Роб убит (см. *фото 9*), Ральф (муж Мэри) арестован. Бет-Энн показана совершенной психопаткой, она совершает своими руками ключевое действие, послужившее триггером убийства, при этом у нее полностью отсутствует аффект, она спокойна, и на ее лице довольная улыбка.

В сцене продажи дома следующей паре Бет-Энн рассказывает про «ужасное убийство мужа и казнь убийцы», говорит, что они с тех пор живут втроем с Эйприл и ее дочерью. Эйприл стала певицей, а Бет-Энн в это время заботится о ее дочери. На самом деле Бет-Энн присвоила себе дочь Эйприл, считая ее своей почти осознанно, она стала для нее замещающим ребенком, как она и мечтала ранее. Эйприл, возможно, стала нарциссическим продолжением Бет-Энн, реализовала ее старые мечты стать артисткой.

Здесь вроде бы сформировалась триангулярность (в ролевом смысле), но на самом деле это странный набор перекрестных идентификаций: Бет-Энн идентифицирует себя с матерью и для Эйприл, и для ее дочери. А для Эйприл Бет-Энн стала комбинированной родительской фигурой: поддерживающим и заботящимся отцом и принимающей матерью. Нет принятия разницы полов, мужчины вообще исключены из отношений, один из важнейших результатов прохождения Эдипа не достигнут.

1984 год. Симона и ее третий муж Карл

История второй пары разворачивается в 1984 году. Симона Гроув – всегда очень эффектно выглядящая женщина, «светская львица», Карл – третий по счету муж Симоны, они оба владеют картинной галереей. Третий участник отношений здесь Томми Харт – любовник Симоны, ему едва исполнилось 18 лет, и он совершенно точно по возрасту находится в следующем поколении. У Симоны есть взрослая дочь Эми, она живет отдельно. И еще в сюжете присутствует мать Томми – Наоми, она же является одной из близких подруг Симоны.

В первом монологе Карл представляет Симону зрителю: «Меня представили Симоне на сборе средств. Какой это был выход! Дизайнерский наряд, блеск алмазов. По походке было видно – она ослепительна и знает об этом». Далее в диалоге с подругой Симона завершает свой образ: мы видим не человека, а нарциссический фасад. Действия и желания Симоны направлены на поддержание внешнего фасада, образа благополучия, шикарности. Все, что она хочет, – это видеть отражение своего величия в глазах других людей, даже самых близких. Подруги подбираются по такому же принципу – прекрасный внешний фасад, соответствие неким идеалам внешности и положения в обществе.

Чуть позже на вечеринке Симона находит подброшенный кем-то конверт, в котором она видит фото Карла, целующегося с женщиной, то есть для нее после стольких лет брака раскрывается правда о гомосексуальности Карла. Симона реагирует так, что можно предположить крушение ее безупречного фасада благополучной жизни, из-за одного события ее жизнь из прекрасной становится ужасной в ее восприятии (см. *фото 10*).

Нарциссическая травма заставляет ее регрессировать к уровню ребенка, возможно к анально-садистической фазе, она хочет буквальным действием отменить травмирующую ситуацию, устранить источник травмы, как она считает, – Симона немедленно заявляет Карлу о желании развода. Попытки Карла обсудить ситуацию, не спешить с действиями натываются на отказ Симоны говорить, она требует немедленного действия. Тогда, воспользовавшись недолгим уходом Симоны, Карл имитирует самоубийство, наглотавшись каких-то таблеток (на самом деле он просто спрятал большую часть из них). Симона, увидев полубессознательного Карла, начинает ругать его, злиться за измену с мужчинами, хочет отомстить ему болезненным разводом, но одновременно она жалеет и хочет спасти его, немедленно вызывает скорую (см. *фото 11*) и сопровождает его в больницу.

Симона может чувствовать и выражать свои чувства: обиду, злость, жалость и сочувствие к мужу. Она не молчит в попытках сохранить нарциссический фасад, она открыто выражает свои переживания. Возможно, регресс к инфантильному поведению помогает Симоне не скрывать эмоции, но, может быть, нарциссическое поддержание благополучного фасада – не только обусловленная психическим функционированием черта характера, но и вполне осознанное поведение (исполнение социальной роли), от которого Симона может и отказаться в определенных обстоятельствах.

Фото 11

Карл имитирует самоубийство, чтобы заполучить внимание Симоны и заставить ее слушать. Только таким способом удастся заставить Симону услышать его аргументы в пользу того, чтобы не расставаться. Здесь можно предположить отыгрывание действием, чтобы получить внимание от Симоны. Возможно, как с игнорирующей матерью в его детстве? Если продолжить это предположение, то и Симона могла быть для Карла образом матери, опорным объектом, и он скрывал свою ориентацию, чтобы получить такой объект в лице Симоны и затем не потерять его. Травматичная ситуация угрозы развода (потери объекта) тоже отправила его в регрессию, поэтому и случилось отыгрывание на грани самоповреждения.

В следующем эпизоде появляется 18-летний Томми, который начинает с утешения Симоны, но потом переходит уже к эротическим объятиям и поцелую. Говорит, что она была его сексуальной фантазией с 14 лет. Симона начинает поддаваться, но затем все же отстраняется. Отказ Симоны носит скорее осознанный социальный характер, Томми неприемлемо молод. Но психически Симона как будто готова к таким отношениям, возможно, потому, что из-за нарциссической травмы (Карл оказался «ненастоящим» мужем) она регрессировала ко второму Эдипу (подростковый возраст), в этом состоянии связь с Томми уже не кажется неприемлемой, запреты Суперэго временно ослаблены (см. *фото 12*).

Томми заявляет о сексуальном влечении к Симоне, которая является ровесницей его матери. Из этого небольшого эпизода можно предположить, что в подростковом возрасте, во время реактивации эдипова комплекса,

Фото 12

отца Томми уже не было в живых и, возможно, мать своей гиперопекой действовала слишком возбуждающе на подростка, но сексуальные чувства к матери были под запретом (скорее всего, во время первого Эдипа Томми удалось интериоризировать запрет инцестуозных желаний), поэтому в лице Симоны он находит способ отщепить сексуальную часть материнского объекта и поместить в Симону, но уже без страха кастрации за инцест.

В эпилоге серии показывают танец танго, и закадровый голос говорит: – ...Танго танцуют двое. Но иногда где-то во тьме... есть третий. И если вы решили танцевать с ним, будьте готовы к грядущим последствиям. Ибо страсть обернется ревностью, любовь может стать жестокой.

Применительно к психосексуальному развитию можно сказать, что в спальне взрослых есть место только для двоих, а если взять в постель ребенка, то жди беды, то есть отклонений в психосексуальном развитии, которые будут влиять на всю последующую жизнь индивида. Можно сказать, что и Симона привела «ребенка» Томми в их с Карлом «взрослую» спальню, появились треугольные отношения, которые так или иначе начнут негативно влиять на всех участников, поскольку никто из них фактически не является взрослым индивидом, прошедшим Эдип и получившим способность выдерживать третьего в отношениях. Более того, здесь перверсная треугольность, в которой все участники имеют реальные сексуальные влечения и могут их реализовывать, и могут в реальности,

а не в фантазии пытаться устранить соперника, что еще более усложняет ситуацию.

После эпизода, в котором Карл помог Симоне сбежать из чужого дома, где они с Томми занимались сексом, он раскрывает ее связь с Томми, но неожиданно для Симоны видит в этом положительные стороны: «Зачем нам разводиться? У тебя будет свой любовник, у меня свой, а дома гармония и интересные беседы». Карл еще раз обозначает, что в этих отношениях для него нет сексуального влечения, он хочет видеть в Симоне бесполого друга, с которым они будут только лишь обсуждать что-то, но эмоции и влечения будут отсутствовать, то есть и ему нужен просто фасад, иллюзия наличия брака, статуса мужа.

В ответ на такое рациональное предложение Карла Симона обижается и злится на мужа за полное отсутствие ревности, она кричит: «Хочу, чтобы мужчина меня так любил, что был бы готов убить моего любовника». В ее инфантильном понимании любви мужчины к женщине любовь должна выглядеть именно так – на пике эмоций, с такой же детской, преувеличенно агрессивной реакцией. Как будто любовь мужчины и женщины – это игра детей в любовь, разыгрывание сцены из фильма или книги. Очевидно, что Симона в эдипов период не получила примера и идентификации с отношением матери к отцу, и отец не давал ей примера, как мужчина относится к женщине, которую любит, скорее всего, отношения между родителями были безэмоциональными, и Симоне просто неоткуда было понять, как они должны переживаться между взрослыми людьми.

В последующих эпизодах происходит развитие линии гомосексуальных отношений Карла, а Симона чувствует себя отвергнутой и упрекает в этом Карла. Отвечая ей, Карл пытается объяснить Симоне, что значит притворяться и прятать свою сущность всю жизнь. Требуется хоть ненадолго взглянуть на ситуацию его глазами, не понять, а почувствовать, каково это. Психика Карла тоже не выдерживает конфликта внешнего облика гетеросексуального женатого мужчины и настоящего Я, поддержание этого фасада становится лишком тяжелой психической работой. Конфликта между Я и Суперэго, которое требует соответствовать социальным нормам того времени, в соответствии с которыми быть гомосексуалистом не очень хорошо, многие возможности окажутся закрытыми, и поэтому чувства должны быть под строгим контролем и их нужно подавлять по первому требованию Суперэго. Но тем не менее Карл осознает существенную часть своих чувств, они не полностью вытеснены.

Далее Карл и Симона вспоминают совместную жизнь, Симона говорит, что в начале размолвки она подумала о том, что зря вышла за него замуж, что он украл у нее 10 лет жизни. Но потом продолжает:

– Ты научил меня кататься на лыжах, научил немного говорить по-французски. Но самое важное – ты показал, как смеяться над собой. Если быть честной, ничего ты у меня не украл, ты дал мне гораздо больше, чем я заслужила.

Симона демонстрирует способность к рефлексии и интроспекции. Сейчас на сцене уже не обиженная эдипальная девочка и не подросток, обуреваемый эмоциями, вызванными реактивацией Эдипа. Как будто за

10 лет жизни с Карлом она дополучила внимание отца, допрожила детство и теперь испытывает желание иметь настоящую влюбленность, для чего ей понадобился 18-летний Томми. Психологически она как будто подошла к завершению второй фазы Эдипа и вот-вот должна принять взрослую сексуально-партнерскую идентификацию.

Карл идет на свидание со своим любовником, а Симона идет на свидание с Томми (см. *фото 13*). Все выглядит как решение их проблем, как будто жизнь снова налаживается, хоть и в таком перверсном варианте отношений. Здесь как будто окончательно отменена разница полов в паре Симоны и Карла и отменена разница поколений в паре Симоны и Томми – ситуация характерная для доэдипальной стадии развития, улучшение отношений в семейной паре обеспечено тотальной регрессией с точки зрения психосексуального развития. Для Симоны произошло расщепление мужчины на заботящийся отцовский образ в лице Карла и на любовника в лице Томми.

Далее у Карла обнаруживают СПИД, и Симона решает, что отменит поездку с Томми в Париж, чтобы остаться заботиться о Карле. Она добавляет, что Томми обязательно должен поехать без нее и наслаждаться молодостью, а ей пора повзрослеть. В этой кризисной ситуации Симона как будто не регрессирует, а, наоборот, начинает функционировать как намного более психологически зрелая личность. Она старается сохранить отношения и позаботиться о благополучии уже двоих близких ей мужчин. Можно сказать, что в отношении их обоих она выступает как материнская фигура, дает Томми послание о прекрасной взрослой и отдельной жизни, о том, что он может получать от нее удовольствие и не должен испытывать чувства вины. В отношении Карла она не ожидает заботы от него,

Фото 13

а сама хочет дать ему заботу и поддержку, как будто сделанные Карлом инвестиции заботы провели необходимую работу в психике Симоны и теперь она имеет достаточно внутриспсихических ресурсов, чтобы не только принимать, но и отдавать.

Томми не выдерживает этого отказа, садится за руль нетрезвым и попадает в аварию. В бессознательном Томми как будто терпит неудачу в своей второй фазе Эдипа, он не может победить Карла, который своей болезнью возвращает все внимание Симоны себе. Ранее Томми уже «победил» отца и стал единственным мужчиной матери, но в повторении ситуации соперничества Симона отказалась становиться только его, и это непереносимо для подростка Томми. Возможно, бессознательное чувство вины за «убийство» отца и за желание «поражения» Карлу добавилось к импульсу самоповреждающего поведения, как необходимого наказания за эту вину.

Далее мать Томми буквально атакует Симону и Карла, а Томми требует прекратить это и грозит матери уходом из дома. Томми пытается отделаться от матери, в том числе через отношения с другой женщиной, но мать делает все возможное, чтобы удержать его около себя. Томми открыто говорит ей, что он взрослый, он сам решает, с какой женщиной у него будут отношения и он сам эти отношения начинает, то есть он – мужчина. И хотя его отец уже умер, очевидно, что он любил и ценил своего сына, сумел передать ему мужские идентификации. И, даже умерев, он продолжает разделять мать и сына, предусмотрительно создав финансовый фонд, переходящий во владение Томми при достижении совершеннолетия, дав ему последний недостающий элемент самостоятельности, и Томми уверенно решил воспользоваться им.

Симона говорит с Томми о расставании, о том, что он должен ехать в Париж и начать свою взрослую жизнь. Симона предлагает Томми расставание как взрослая личность взрослой, говорит, что у него будет увлекательная самостоятельная жизнь и будут другие женщины, она не единственная, в отличие от матери, которая не может его отпустить. Она видит объективную невозможность продолжать отношения с Томми, понимает, что им нужно расстаться, ей нужно его отпустить, то есть Симона принимает свои ограничения, свою «кастрацию» и принимает реальность такой, какая она есть, без инфантильной иллюзии всемогущества по изменению «неудобной» реальности. Томми тоже в этой ситуации проявляет себя как зрелая личность, видит и понимает интересы Симоны и хочет их поддержать, он больше не требует, как незрелый подросток, удовлетворять его влечения. Но он принимает и реальность, соглашаясь с тем, что они не могут продолжать свои отношения, ему нужно жить дальше и искать более соответствующие его возрасту связи. В этом эпизоде Томми как будто завершает подростковый период, вторую фазу Эдипа, отделяется от матери и делает окончательный выбор отношений как уже взрослый мужчина.

Карл различными способами убеждает Симону в том, что у него остался единственный выход – самоубийство: я хотел бы прожить дольше, но такой возможности у меня больше нет, у меня остался только выбор, как и когда умереть.

Симона танцует с Карлом последнее танго и потом помогает сделать инъекцию смертельной дозы снотворного (см. *фото 14*). Можно сказать, что Симона убивает из сострадания, чтобы спасти Карла от мучений завершающей стадии болезни. Возможно, бессознательно она спасает и себя, чтобы не видеть страданий любимого человека, не чувствовать довольно долгое время полную беспомощность, невозможность помочь. Сложно предположить, какие психические защиты работают в этот момент у Симоны, психика испытывает огромную нагрузку, и, может быть, на какое-то небольшое время происходит диссоциация – «это не я сейчас делаю смертельный укол», чтобы не дать ей быть затопленной чувством вины за участие в смерти близкого человека.

При продаже дома следующей паре Симона сообщает, что она основала фонд по исследованию СПИДа и в этом доме долгое время была штаб-квартира фонда. Симона продолжает спасать мужа, теперь уже в лице остальных больных. Возможно, в этой деятельности она находит и бессознательное спасение от чувства вины за помощь в суициде мужа. Симона больше не интересуется внешней, нарциссической стороной жизни, она занята тем, что приносит пользу людям и обществу и получает от этого удовольствие. Можно сказать, что определенные черты психически зрелой личности Симона приобрела после трагического завершения их

Фото 14

Фото 15

совместной жизни с Карлом. Томми упоминается как известный художник, то есть он получил свою взрослую жизнь и любимое дело, развился как творческая личность (см. *фото 15*).

2019 год. Тейлор и Илай

Третья пара – наши современники, живущие в 2019 году. Тейлор Хардинг – успешный адвокат, ее муж Илай – киносценарист, тоже успешный, но в начале сюжета находящийся в затяжном творческом кризисе. Тейлор и Илай живут в «открытом браке», и в сюжете появляется любовница Тейлор Джейд. Она моложе Тейлор и Илая, но предположить, что она из другого поколения, в данном случае невозможно.

Илай вспоминает первую встречу с Тейлор:

– Я увидел Тейлор на женском марше. Она толкала речь о ликвидации патриархата. Я ее не очень помню, потому что, пока она говорила, я думал: «Эта феминистка – чистый секс!» Тейлор сразу сказала, что бисексуалка. Я женился на юристе. Мои родители-евреи были в восторге. Мать Илая как будто передала своего сына в руки надежной и успешной женщины-юриста, следующей материнской фигуре, которая будет и дальше заботиться о ее сыне, который так и не стал взрослым, по-прежнему нуждается в опеке «сильной женщины». Даже подчеркивание, что его жена – феминистка, может говорить об инфантильной позиции Илая, страхе перед внутренним женским его потенциальной женщины. Конечно, участие в женском марше – это отчасти дань современной социальной традиции, но с точки зрения бессознательного такая женщина вряд ли будет воспринята как подходящий партнер для зрелых гетеросексуальных отношений, она для них излишне фаллична, отрицает свое женское (см. *фото 16*).

Фото 16

Тейлор ругается со строителем, который ведет ремонт в их доме, настаивает на том, что все нужно делать по ее плану, а не так, как удобно строителю. В финале разговора она говорит: «Твой хер точно меньше моего!», в реальности имея в виду условия контракта, которые дают ей больше преимуществ. А в бессознательном она ведет нескончаемую борьбу за превосходство над мужчинами, считая себя обладательницей могущественного фаллоса.

В этом же эпизоде со строителем Илай, как бы в утешение строителя, добавляет: «Я тоже не могу с ней членами меряться, но я к этому привык». В семейной паре Илай обесценен, занимает подчиненную позицию. Он продолжает оставаться маленьким мальчиком, целиком зависящим от опорного объекта, сейчас – от жены.

Когда Тейлор в силу как будто безвыходных обстоятельств привела свою любовницу Джейд в их с Илаем дом, Илай был совершенно очевидно очарован ей. Как будто в этот момент в бессознательном Илая произошло закрепление за Тейлор образа заботливой матери, а Джейд он воспринял как новую подружку, к которой имеет сексуальное влечение. То есть Илай функционирует как подросток на пике пубертата.

Позже, когда Тейлор и Илай ложатся спать, они решают заняться сексом и говорят друг другу, что будут заниматься сексом под фантазии о Джейд. Здесь оба участника пары демонстрируют, что им не хватает друг друга для получения наслаждения, нужен кто-то третий для фантазийного замещения партнера. Возможно, их отношения носят поверхностный характер, например, Тейлор из-за отрицания своего женского не может получить полноценное наслаждение, Илай в силу своей инфантильности тоже не может наслаждаться сексуальными отношениями со взрослой женщиной, ему нужна замещающая активность, фантазия о другой женщине, его пугает бессознательный страх обнаружить пенис-фаллос у Тейлор.

Илай, послушавшись «советов» своего менеджера, уговаривает Тейлор устроить секс втроем с Джейд, аргументируя это тем, что у них и так есть отношения с другими людьми и никакого вреда от такого секса не будет. Тейлор против, говорит, что это будет использованием Джейд, но потом все же соглашается, с условием, что у Джейд не будет никаких возражений. Джейд тоже соглашается вообще без малейших сомнений и возражений. Тейлор и Илай здесь похожи на детей в раннем подростковом возрасте, когда сексуальные отношения – это еще не совсем четкие и оформившиеся фантазии, хочется все попробовать, а бессознательно они и все дети в начале эдиповой стадии развития, где каждому очень хочется проникнуть в родительскую спальню, стать третьим участником первосцены (см. *фото 17*). Джейд здесь выглядит психопаткой, которая просто использует других людей и их желания для достижения своих целей. Осознанно она, скорее всего, понимает, что таким сексом она привяжет к себе кроме Тейлор еще и Илая и ее положение в этом доме станет более стабильным. В бессознательном она вообще не видит в Тейлор и Илае

Фото 17

людей, а только объекты для манипуляции, для обеспечения ее кровом и поддержкой, секс для нее – обезличенное, механистическое и необъектное отношение, как будто и себя, и свое тело она воспринимает диссоциированно: вы хотите ее/меня использовать для секса? Это выгодно и поможет мне? Если да, используйте ее/меня, ее/мое тело так, как вам хочется. Одновременно она хочет сместить внимание и влечение Илая с Тейлор на себя и даже занять место Тейлор.

В ночном клубе пара бывших любовников Джейд предлагает немедленно улететь с ними в Венецию. Тейлор возражает, приводит аргументы об осмотрительности, избегании опрометчивых решений и т. д. Джейд принимает решение уехать. На самом деле здесь проявляется обычная ревность, у нее пытаются увести любовницу. В бессознательном она теряет объект заботы, возможно, проекцию себя из детства, о которой она теперь и заботится. Также возможна обратная ситуация, в которой Тейлор получала от Джейд тепло и любовь (по крайней мере, она могла это так воспринимать), как от материнского объекта, и теперь у нее пытаются этот материнский образ забрать, возможно, пара бывших любовников Джейд здесь имеет образ мужчины или отца, который мог в детстве отделить Тейлор от ее матери.

Вернувшись с Илаем домой, Тейлор не находит себе места и в итоге бросается возвращать Джейд, Илаю она объясняет: «Я нуждаюсь в ней, если она уйдет – все полетит к чертям. Джейд из тех, кто дает, ничего не требуя взамен. Мне в жизни просто только с ней».

Здесь Тейлор подтверждает, что ее отношения с Джейд – зависимые, она в панике от перспективы потерять объект зависимости. Ее ощущения от отношений с Джейд могут быть основаны на отщеплении какой-то своей любящей и заботливой части и помещении ее в Джейд, дальше Тейлор как будто строит отношения и ощущает тепло именно с этой своей отщепленной частью. Потому что в психике Джейд нет тепла и заботы, она не получила их в детстве, и ей нечего давать другим людям в отношениях, только что-то брать и использовать. А «все просто» может быть из-за преимущественно психотического функционирования Джейд, у которой отсутствует необходимость психически перерабатывать влечения, они сразу могут быть реализованы в действии, такой способ функционирования может восприниматься как «простой».

В эпизоде со спасением собаки Джейд от ее бывшего сожителя Тейлор пытается быть взрослой и предлагает единственное относительно разумное решение, которое не должно привести к еще большим проблемам. Но Илай как будто не может вынести ее контролирующего «материнского» поведения и ведет себя как подросток, который пытается понравиться и впечатлить свою новую подружку Джейд: он действует импульсивно, с большой вероятностью или самоповреждения, или физических повреждений от конфликта с сожителем Джейд. Можно предположить, что он попал под воздействие проективной идентификации Джейд, которая не может долго находиться в спокойной обстановке, ее психическое функционирование требует от нее создания тревожной и нестабильной среды,

наполненной деструктивными импульсами, она с легкостью втягивает Илая в такое состояние (см. *фото 18*).

В эпизоде беседы Тейлор с сестрами выясняется, что Илай – наркозависимый, вроде бы в прошлом, но с точки зрения психического зависимость полностью не могла исчезнуть. Возможно, в данный момент зависимость от наркотиков сменилась на зависимость от Тейлор, и это, скорее всего, вызывает у Илая внутренний конфликт и скрытую агрессию по отношению к Тейлор, бессознательное желание избавиться от нее.

Илаю нужно срочно хоть как-то дописать сценарий, он устал, и Джейд дает ему какие-то стимулирующие таблетки. Агент Илая одобряет сценарий, особенно некоторые идеи в нем, подсказанные Джейд. Тейлор узнает про таблетки и объясняет Джейд, что это категорически недопустимо, это снова подтолкнет Илая к наркотикам. Джейд соглашается, но потом Илай просит у нее таблетки для продолжения работы, говорит, что это вообще не проблема для него и что за сценарий заплатят очень много денег и он с их помощью позаботится о Джейд. Услышав это, Джейд уже без колебаний отдает таблетки. Илай демонстрирует полное отсутствие критичности и оценки последствий своих действий, только это уже не регресс на одну из ранних стадий развития, а поведение наркозависимого, ему нужно поддерживать состояние мании, в котором он «все может», в том числе и писать сценарий, при помощи химических веществ (см. *фото 19*).

Увидев возможность получить деньги или получить в свою власть источник денег (Илая), Джейд не думает ни о том, что она толкает его обратно к наркотикам, а значит, и к смерти, ни об отношениях с Тейлор. Все это неважно, потому что она может захватить нечто важное для себя, а значит, Илай обеспечит получение этого важного ей ресурса, в данном случае – денег. И подталкивание Илая к наркотикам, особенно когда именно она является их источником для него, даже полезно для нее, в таком

Фото 18

Фото 19

состоянии ей будет легче его контролировать и манипулировать им. Если Тейлор, пытается заботиться о здоровье Илая, то для Джейд это просто досадное препятствие на пути к ее желаниям, Тейлор нужно оттеснить от Илая, чтобы она не мешала. Эти действия, скорее всего, не осознанный план, а ее бессознательные способы отношений с объектами, в которых все люди вокруг – это полезные или бесполезные инструменты для получения чего-либо.

Тейлор пытается что-то улучшить в их отношениях и везет всех на семинар «полиаморов», но благодаря случайности в дороге выясняется, что Илай вернулся к употреблению кокаина. В бессознательном Илая уже было чувство вины за свое поведение и возврат к наркотикам, он желал наказания, и под действием этих бессознательных влечений его поведение трансформировалось так, чтобы дать Тейлор все обнаружить. Все так называемые секреты Джейд и Илая сразу становятся явными (см. *фото 20*).

Тейлор еще до возникновения этой ситуации хотела решить свои проблемы в семейной жизни, но бессознательные конфликты, не дававшие ей найти удовольствие от отношений в паре со взрослым мужчиной, а не спасаемым наркоманом, вынудили ее привести в пару третьего – Джейд, чтобы получить удовольствие от нее. Но вместо взрослого поведения и поиска взрослого решения для пары она использовала инфантильный способ – просто сменить объект привязанности и заботы, и этот способ ведет к полному разрушению отношений. В этой ситуации Тейлор

Фото 20

регрессирует к своей детской точке фиксации и начинает выдвигать прямые требования Илаю – немедленно лечь в клинику для наркозависимых, иначе она уйдет. Как маленькая девочка, которая требует чего-то от взрослых, а если ее не слушаются, то она как минимум заплачет или сделает что-то еще такое же детское. Ее никто не слушается, и она отказывается от роли взрослой и от роли заботливой матери и уходит, попытка детского решения проблемы не удастся.

Джейд остается с Илаем, объясняя это Тейлор тем, что кто-то же должен заботиться о нем в такой момент. На самом деле она хочет продолжить манипулировать Илаем, тем более что под воздействием кокаина это становится намного проще для нее и теперь она еще сможет использовать «предательство» Тейлор для усиления зависимости Илая от нее. Джейд продолжает демонстрировать совершенно психопатическое манипулирующее поведение. А ее «любовь» к Тейлор исчезает мгновенно и без следа, как только она увидела возможность получить от Илая деньги, которые эквивалентны и даже лучше любой заботы в ее психике, потому что люди в итоге ее постоянно бросают, она не может иметь других отношений, а деньги, как она думает, будет контролировать она сама.

В состоянии наркотической эйфории Илай покупает Джейд машину и говорит, что подтверждает свое обещание позаботиться о ней. Деньги на

машину он взял с кредитной карты Тейлор. Тейлор требует у Джейд вернуть машину и вообще покинуть их дом. В ответ на требования Тейлор вернуть машину Джейд отказывается и заявляет, что это адекватная благодарность для нее. И потом совершенно уверенно отказывается покинуть дом. В ответ на угрозу ее выгнать Джейд регрессирует к психотическому уровню, потому что ее охватывает самый влиятельный ее страх – страх снова остаться ни с чем, без материального благополучия, без заботящихся объектов, а значит, и без психического благополучия. В этом состоянии она полностью отрицает реальность и чувствует себя всемогущей.

В монологе от лица уже приемной матери Джейд мы узнаем, что в прошлом Джейд заживо сожгла свою приемную семью, мать и отца. После этого монолога в следующей сцене Джейд заботливо дает Илаю порцию кокаина, чтобы взбодрить его с утра, и говорит, что все у них будет отлично, на сценарии они заработают кучу денег. Фактически мы видим, что Джейд разрушает жизнь всех, кто о ней заботится, разрушает из-за зависти к тому, что у них есть то, что ей так нужно. Она хочет любви и заботы, но ей всегда недостаточно, сколько бы ей ни дали, она ненасытный младенец, всегда требующий, но получающий не то, в чем нуждается, потому что мать, скорее всего, не понимала нужды младенца. Или это была не мать, а социальные сотрудники, ухаживавшие за брошенными детьми.

Тейлор пытается объяснить реальную ситуацию Илая, буквально спасти его от опасной Джейд, но Илай отказывается что-либо менять и говорит Тейлор: «Хорошо, она меня использует, но она хотя бы меня ценит, с ней я не какой-то лузер, который только и способен на неудачу». И добавляет: «Мне больше не нужна твоя помощь. Я восстановил карьеру. Теперь я в норме, а проблемы, похоже, у тебя».

Из-за наркотиков или из-за развала отношений с Тейлор или по всему комплексу причин Илай не выходит за пределы подросткового функционирования. Он настолько хочет вырваться от родителей в лице заботливой Тейлор, что отрицает реальность, то, как Джейд им манипулирует, буквально кормит его наркотиками, чтобы он оставался зависимым теперь уже от Джейд и от наркотиков. Как у подростка, у Илая ослаблена способность к критическому мышлению, и он считает, ему под силу все контролировать: себя, наркотики и Джейд.

Тейлор в этой ситуации демонстрирует взрослое поведение, она игнорирует отрицающее реальность поведение Илая и продолжает попытки спасти его и их отношения. Она сама создала такую деструктивную для отношений ситуацию, приведя в дом Джейд, и теперь, как взрослый человек, пытается решить эту проблему. В детстве она не могла справиться с какой-то проблемой, а сейчас она создает и потом решает проблемы, воссоздавая ситуацию из детства в цикле навязчивого повторения, чтобы проработать эту травму.

Тем не менее Илай пытается выяснить правду у Джейд, она все отрицает, но испытывает страх оттого, что ее обман вот-вот откроется, и в состоянии аффекта устраивает аварию. Илай попадает в больницу, а Джейд сбегает. Илай пытается вернуться к восприятию реальности и к более

взрослому функционированию, но бессознательно он чувствует еще большую вину за возврат к наркотикам, за предательство Тейлор и желание наказания, поэтому его действия носят очевидно самоповреждающий характер и заканчиваются серьезной травмой для него (см. *фото 21*).

Испытывая чувство отвержения или даже подозревая скорое отвержение, Джейд бессознательно хочет сделать невозможным отвержение, например уничтожить отвергающий объект до того, как он/она отвергнет ее. Но в моменты максимального аффекта она может впасть в психоз, и ее бессознательные желания прорываются в прямое действие. Отсюда такое поведение за рулем, которое только случайно не привело к смерти другого человека, хотя целью изначально мог быть Илай. Когда маленького ребенка бросают, он испытывает страх смерти, и Джейд во взрослом возрасте как будто пытается опередить и убить первой, чтобы самой снова не испытать страх смерти, страх быть оставленной. Джейд возвращается к своему бывшему сожителю Дюку, пытается делать вид, что все стало по-прежнему, но потом требует у него денег, чтобы продолжить свое бегство от полиции. Дюк отказывает, завязывается ссора и драка, в которой она кухонным ножом убивает Дюка. Не сумев убить Илая, Джейд все же

Фото 21

реализует свои деструктивные влечения и убивает Дюка, хотя его убийство не имеет никакой причины и даже ничем не может ей помочь, у него нет денег, чтобы можно было его ограбить после убийства. Это чистое выражение прорвавшегося бессознательного влечения к разрушению.

Тейлор забирает Илая из больницы, по дороге домой она говорит, что пока им нужно прекратить их «открытый брак» и сосредоточиться на отношениях в их паре, и еще им стоит пойти в терапию. Илай очень удивлен, потому что изначально Тейлор была инициатором «открытого брака», но соглашается и предлагает продать дом, вернуться к более скромному жилью, чтобы не иметь ипотечного долга, который создавал слишком большое напряжение в отношениях. Кризисная ситуация подтолкнула Тейлор к поиску возможностей для действительных изменений, через поиск проблем и решений в психическом, а не в навязчивом повторении действий, воссоздающих образ проблемы из детства, и поисках инфантильных же способов решения.

Илай также согласен изменить свой инфантильный способ преодолеть Эдип, например покупая большой дом, чтобы, возможно, стать как папа или даже лучше, взрослее. Или устанавливая отношения больше чем с одной женщиной («свободный брак»), как будто такая расширенная псевдосексуальность сделает его взрослее подростка, только начинающего свой сексуальный опыт.

В завершение серии Джейд, спрятавшаяся в доме Тейлор и Илая, после того как ушли полицейские, нападает на Илая и ранит его ножом, потом пытается убить Тейлор, но в завязавшейся борьбе Тейлор сумела отобрать нож и убить им Джейд (см. *фото 22*). В финальной борьбе Тейлор

Фото 22

как будто окончательно обрывает свои старые способы разрешения детских травм, избавляется от главного деструктивного следствия этих инфантильных способов, ранение Илая показывает, что эти способы несли не только психическую, но и реальную деструкцию. Джейд совершенно очевидно находилась в психозе, она уже получила все доказательства, что ее вновь бросают, страх быть оставленной для нее равен страху смерти, и этот аффект толкает ее к прямому действию по отмене бросания объектом зависимости через уничтожение объекта.

Выводы

Несмотря на многообразие условий, разные сексуально-партнерские ориентации, мы видим типичные конфликты: невозможность совмещать в одной женщине материнский образ и сексуальный образ, невозможность в целом иметь взрослые сексуальные отношения, проецирование в партнеров образов матери, отца. При появлении в отношениях третьего (любовницы или любовника) во всех случаях разворачивается борьба за образ отца с образом матери и обратная ситуация – борьба с отцом за мать, желание вторгнуться в спальню родителей и разбить любовную пару родительских фигур. Возникают отношения зависимости, когда в образе мужа или жены второй партнер видит образ матери доэдипального периода и стремится к симбиотическим отношениям. Даже отношения зависимости с наркотиком для одного из персонажей являются во многом отношением с более надежным объектом (субстанцией), чем реальный объект, отношения с которым кажутся неконтролируемыми, поэтому нестабильными и опасными.

У большинства персонажей можно предположить отсутствие идентификации с образами любящих друг друга матерей и отцов, отсутствие в детстве истинной эдипальной пары, поэтому во всех парах есть элементы отношения к партнеру, неважно к мужчине или к женщине, как к частичному функциональному объекту, который должен заботиться, но который не воспринимается как целостный.

Несмотря на игровую условность телесериала, конфликты и предположения об их причинах выглядят убедительно реалистичными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
2. *Тайсон Ф., Тайсон Р. Л.* Психоаналитические теории развития. М.: Когито-Центр, 2013.
3. *Фенихель О.* Психоаналитическая теория неврозов. М.: Академический проект, 2015.
4. *Freud S.* (1909) Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben [«Der kleine Hans»]. In: *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen.* Leipzig und Wien.

5. *Freud S.* (1914) Zur Einführung des Narzißmus. Jahrbuch der Psychoanalyse. Leipzig und Wien.
6. *Freud S.* (1923) Das Ich und das Es. Leipzig, Wien, Zurich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag.
7. *Freud S.* (1923) Die infantile Genitalorganisation, Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag.
8. *Freud S.* (1924) Der Untergang des Odipus komplexes, Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. Leipzig, Zurich, Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag.
9. *Freud S.* (1925) Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds. Leipzig, Wien, Zurich: Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. Internationaler Psychoanalytischer Verlag.
10. *Freud S.* (1931) Über die weibliche Sexualität. Wien: Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. Internationaler Psychoanalytischer Verlag.
11. *Freud S.* (1916–1917) Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse – 1eme edition. Wien.
12. *Fenichel O.* (1934) Ueber Angstabwehr, insbesondere durch Libidinisierung.
13. *Jones E.* (1933) The Phallic Phase. Jo. XIV.
14. *Horney K.* (1932) The Dread of Woman. Jo. XIII.
15. *Bernstein D.* (1983) The female superego: A different perspective. Int. J. Psychoanal.
16. *Gilligan C.* (1982) In a different voice: Psychological theory and women's development. Cambridge: Harvard Univ. Press.
17. *Plaut E. F. and Hutchinson F.* (1986) The role of puberty in female psychosexual development. International review of psycho-analysis.
18. *Blos P.* (1979) The adolescent passage. New York: Int. Univ. Press.
19. *Chasseguet-Smirgel J.* (1964) La culpabilité féminine: de certains aspects spécifiques de l'Oedipe féminin, Recherches psychanalytiques nouvelles sur la sexualité féminine, Paris: Payot.
20. *Cournut J.* (1998) Le pauvre homme ou Pourquoi les hommes ont peur des femmes. In: Revue Française de Psychanalyse. Vol. 62.

Unreachable Oedipus complex in TV Show «Why Women Kill»

D. P. Lyamin

Lyamin Denis P., psychoanalytically oriented psychologist (HSE).

The Oedipus complex is the basis for structuring a person's personality and the basis for the formation of desires. Psychoanalysts consider the Oedipus complex to be the main cause of psychopathology and strive to find the causes of its occurrence, in all their diversity, and ways to overcome it for all types of fixations and neuroses.

Psychoanalytic anthropology considers the Oedipus Triangle (mother-father-child) to be a universal structure. Manifestations of this structure are typical not only for cultures in which the family is represented in the traditional sense for us, based on marriage ties, but can also be found in other types of cultures (Laplanche J., Pontalis J.-B., 2016).

In this article, we will analyze the conflicts of the characters of the TV show “Why Women Kill” in a psychoanalytic approach. We will try to identify conflicts that have an Oedipal cause, make assumptions about possible problems during the passage of the Oedipus complex. We will also illustrate the universality of the Oedipus complex as the main cause of conflicts in paired and triangular relationships in different time periods (and therefore in different sociocultural conditions) and for people with various sexual orientations.

Keywords: Oedipus complex, Oedipus, Psychoanalysis, TV Show «Why Women Kill».